

協

Еще одно, на мой взгляд, забавное и запоминающееся сочетание “удесятерения” трех “сил”. “Объединительный” смысл данного кандзи “лежит на поверхности”; ясно, что три “силы” – не одна, а “удесятерение” приводит нас к логичному восприятию “коллектива”. Все правильно – этот кандзи имеет значение **“кооперация, объединение”**. Читается он только по “ону” – “КЁ:”, а в союзе с “местом встречи” (вспомните слово “кайся”) образует слово “ассоциация” – “кё:кай” –

協会

介

Раз уж мы начали путешествие по “каям”, то познакомимся еще с парой представителей данного “она”. “Человек” между двумя линиями, идущими параллельно, указывает на идею **“посредничества”**, довольно прозрачную и не требующую излишних фантазий. Японизация “она” КАЙ привела к появлению довольно своеобразного “кунного” чтения – “кай(ситэ)” переводимого, как “благодаря чьей-либо любезности”. Это тоже понятие – посредник должен быть любезен, иначе не выживет. Итак, полюбуемся на этот простой “КАЙ”.

界

Следующий “КАЙ”, который встречается в текстах намного чаще, выглядит как “посредничество на поле” или, что проще, как “стрелка”, указывающая на “поле” как на часть пространства, понимаемую по-русски как **“мир чего-то”**.

Чтобы сразу рассеять туман этого понятия, приведем пример его сочетания с “научкой” (“кагаку” – “изучение отраслей”), образующий четкий термин “научный мир” (“кагакукай”) –

科学界

世

С “миром” в пространственном смысле слова мы разобрались. **“Мир”** же с временной точки зрения, включающий понятие “людей одного поколения (или эпохи одного царствования)”, изображается странным на первый взгляд кандзи.

Читается этот кандзи как “СЭ, СЭЙ/ё” и выглядит непохоже на все известные нам знаки. Чтобы не слишком далеко влезать в ассоциации со столь небогатым графическим материалом (например, стараться увидеть в нем “пулемет с прицельной рамкой” или “грустного сидящего козлика”), ограничимся правдивой исторической информацией серьезных японистов, свидетельствующих о том, что некогда этот кандзи представлял собой “три десятки”, а тридцать лет, по статистическим наблюдениям древних китайцев, соответствовали времени правления одного царя.

Объединив понятия “мира” с пространственной и с временной точек зрения, мы с Вами получаем очень часто встречаемый на страницах прессы термин “мир, весь свет”, который произносится как “сэкай” и выглядит очень даже узнаваемо после пары встреч с ним в газете –

世界

Расширенное сочетание, приводимое ниже, читается как “Сэкай но какути кара”, все кандзи Вами должны быть распознаны без особого труда.

世界の各地から

“Любой, каждый” – “каку” и “земля” – “ти” (вспомните “метро” с образным названием “тикатэцу”) означают – “все земли” или “все страны”, а то, что “кара” означает “исходный падеж”, вероятно, даже Эллочке известно (загляните в начало главы). В сумме образуется солидное начало серьезной фразы – “со всех уголков света...” или “из любой точки нашей планеты...”

Тс-с! История
об этом
умалчивает.

Незаметно мы с Вами завели достаточно серьезный разговор о мире, уместно будет для широты охвата этого понятия коснуться и исторической темы. Кандзи **“история, хроники”** вновь заставляет нас прибегнуть к изображению “руки” (простите вновь, о благосклонный Фарид из далекого и неграмотного города Цу), один из трех пальцев которой приложен ко “рту”. Одна из возможных кодировок может выглядеть так: “Тс-с! История об этом умалчивает”.

史

Иероглиф неплохой, так как читается только по “ону” как “СИ”. В сочетании со словом “культура” (“цитата” + “изменение”) образует термин “история культуры”, или “бункаси” –

文化史

Неплохой кандидат для нашей “онной” галереи – сразу три “она”!

Кандзи “РИ” выходит за пределы первой тысячи кандзи, но логично продолжает цепочку, поэтому местечко для него найдется. Сочетание “единицы” и “истории” можно истолковать, как “один из занимающихся историей”, а в Древнем Китае исторические вопросы были только в компетенции должностных уполномоченных лиц, что связывает изображение кандзи с его смысловым значением **“должностное лицо”**.

“Человек” + “должностное лицо” образуют скользкий по смыслу кандзи **“использовать”**, понятие “использования” имелось в японском языке до появления китайцев, поэтому, наряду с “оном” “СИ”, мы вынуждены запомнить “кун” “цука(у)”.
 Определенная “скользкость” кандзи состоит в том, что не очень ясно “кто кого использует”. По идее, люди должны использовать глубокие познания должностных лиц, но мы привыкли слышать о том, что “чиновники используют людей в своих интересах”.

Отвлечемся от темных мыслей и проиллюстрируем значение кандзи словом “тайси” (“большой” “пользователь”), переводимым на русский язык как “посол” –

吏

使

大使

От серьезных идей вновь “перепорхнем” к забавному – перед Вами внешне напоминающий “использование” кандзи с двойным значением **“удобство”** и **“стул”** (в чисто медицинском смысле этого слова).

“Двойной” смысл “использования” выражается тем, что вместо “единицы” (одного из специалистов в исторических делах в виде горизонтальной черточке) наш зоркий глаз подмечает “двойку” (две черточки сверху, нижняя из которых залезла прямо в “рот” “чиновника”).

При чтении “БЭН” речь идет об “удобстве использования”, только вновь не понятно кого кем. Значение “эксcrement” – это точная реакция со стороны как “пользователя”, так и “используемого” друг на друга. Дополнительная “двойственность” заключается в наличии второго “она” “БИН” (почта, новости), люди и должностные лица не всегда напрямую “используют” друг друга, иногда это делается при помощи писем. В значении “почтового сообщения, известия” используется и единственный “кун” – “таё(ри)”.

В совокупности с “прибыльной нарезкой зерна” получаем полезное слово **“удобство”** (“бэнри”), дублирующее смысл входящего в него кандзи с некоторым расширением по смыслу –

便

便利

葉

Маленькое дополнение к странному кандзи “мир одного царствования”. В совокупности с элементами “растение” и “дерево” получается новый, графически не самый простой, но вполне понятный и изящный по смыслу кандзи “**листья, листва**” (“растительный мир, однократно царствующий на дереве”). Читается кандзи – “Ё/ха”.

Раз уж мы заговорили о деревьях и листве, то вспомним кандзи “желтый” (восемь причин, по которым растение желтеет) и соединим его с элементом “дерево”. В результате получится новый кандзи “**сторона**” с кодировкой “дерево желтеет с одной стороны” и со чтением “О:/ёко”.

横

Почему этот вариант был принят для обозначения “стороны”? Дело в том, что истинный путь длительного формирования кандзи не имеет ничего общего с примитивной идеей о странном пожелтении дерева с одной стороны. Речь мы должны бы вести о брусках дерева, которые при длительном хранении начинают и в самом деле желтеть с одного края, но Вы прекрасно понимаете, почему мы далеко не всегда прибегаем к истине.

Итак, иллюстрация к данному кандзи – его объединение с кандзи “лицо” позволяет получить вариант “вид на лицо сбоку” или просто “профиль”. Произносится данное сочетание как “ёкогао” и выглядит следующим образом –

横顔

案

Мы с Вами при виде каждого нового кандзи стараемся включить на полную мощность ассоциативное мышление, поймать неожиданную идею и зафиксировать ее глубоко, но надежно. Понятие “**идея**”, “**сосредоточиться на чем-то**” выражено в кандзи, графика которого любому непосвященному покажется странной, но не нам с Вами, знающим смысл изображения “женщина под крышей”. “Спокойствие” на вершине “дерева” – это то, что необходимо для сосредоточения, для возникновения идей.

Интересное сочетание с кандзи “внутри” – “аннай” означает “учебник”.

“Аннай суру” означает “сообщать, показывать” –

案内 する

Соответственно, “аннай ару” – “быть в курсе чего-либо, быть осведомленным”.

橋

“Дерево” в сочетании с элементом “высокий”, крышей в котором является “небо”, можно представить себе как “высокую конструкцию из дерева под открытым небом” – именно так в древности впервые был представлен “**мост**”. Вероятно, раньше строили исключительно прекрасные мосты.

Чтение по “ону” – “КЁ:”, по “куну” – “хаси”.

氷

Мост стоит над гладью воды, поэтому вполне допустимо вспомнить о “водяной” цепочке и пополнить ее несколькими кандзи. Начальный кандзи “вода”, судя по откликам, забываем и не вызывает внутреннего отторжения, несмотря на вольность трактовки. Небольшой штрих слева будет символизировать для нас корку льда на поверхности воды. Мы уже использовали не раз “элементную” форму данного кандзи (“лед слева”) из двух штрихов (например, в иероглифе “зима”), а теперь пришло время представить Вам кандзи “**лед**” во всей красе.

Читается кандзи по “ону” как “ХЁ:”, а по “куну” как “ко:ри” Вместе с кандзи “гора” образуется слово “хё:дзан” (айсберг) –

氷山

Следующий кандзи прост с точки зрения чтения, единственно возможный вариант – “онный” “ЭЙ”. Графически он напоминает и о “воде”, и о “льде”. Две “льдинки” над “водой” уведат нас с Вами в арктические миры, где вечные льды надежно укрыли водную гладь океана, – как громко ни кричи “Эй” и даже “Э-э-э-й!”, никто на тысячи километров вокруг не услышит и не отзовется. Картина наводит нас на мысль о **“вечности, постоянстве”** полярных льдов в царстве Снежной королевы.

“Эйнэн” означает в переводе “долгие годы”, а замена элемента “год” на “поколение” образует слово “пожизненный” (“эйтай”) –

永年 永代

永

Добавление к “вечному” привычных трех капель “воды” резко меняет смысловое значение иероглифа, наводя на мысль о вечном кайфе от **“плавания”** (“ЭЙ/оё(су)”).

Для привыкания к японскому тексту приводим вновь достаточно “громоздкий” пример из 4-х кандзи, который читается как “суйэй тайкай” и означает “соревнования по плаванию” –

泳

水泳大会

Никаких комментариев здесь Вам уже не потребуется; квалификация Ваша достаточно высока, чтобы этот небольшой текст не вызвал ничего, кроме удовольствия от собственных способностей.

Последний из кандзи данной серии, в котором мы можем угледеть знакомые контуры воды, требующий, однако, пробуждения фантазии для запоминания.

При виде данного кандзи, в котором из глубины вод появляется странный шестирукий ребенок, мне вспоминаются строки классика о скитаниях по пустыне и о внезапном появлении “шестикрылого серафима”. Воспаленному воображению измученного жаждой человека вполне мог привидеться “водный мираж с появлением шестикрылого ангела”. Откройте стихотворение “Анчар” и прочтите волшебные строки, глядя на кандзи “СЁ:укэтамава(ру)”, возможно, Вам каждый раз будет являться желание **“слушать”** классика. У меня в свое время возник образ говорливого “серафима Сё:”, которого хочется укэтамавару”.

承

Дорогой друг, пока мы с Вами занимались группой устриц, уподобляясь Сапожнику и Моржу из Зазеркалья, и ловили вечный кайф от плавания, куда-то подевалась наша бесхвостая красавица. Вы ее случайно не видели? Это не она?

“Четыре лапы”, как у “птицы”, но ведь у нашей птички лап не было, “клюв” просматривается слева, но вроде наша не была такой безобразно толстой. Да это вообще чудовище, какого в природе существовать не может! Что же это за кандзи? А, так это же – **“не быть, не существовать”**, тогда все понятно.

У этого кандзи, указывающего на невозможность или на полное отсутствие чего-то, довольно приличный список произношений: “МУ, БУ/на(й), на (си)”.

“Мугаку” означает “невежество, безграмотность” –

無学

“Мудзин” указывает на “безлюдность, необитаемость” –

無人

無

Добавив изображение “острова”, получим заглавие известного романа Жюль Верна “Необитаемый остров”, которое по-японски звучит как “мудзинто:” –

無人島

Если появляется изображение “пути”, то образуется слово, произносимое “будо:” –

無道

Значение приведенного выше слова – “тирания, зверства”. “Тирания – это не наш путь” – так думали древние, но продолжали частенько прибегать к этому методу правления.

Так, это все не имеет отношения к нашей птичке... О, а это не ее контуры на горизонте?

供

Опять нет, это не клюв, а контур “человека”, и рядом с ним знакомые очертания кандзи “вместе” (“трава” неотделима от “кавказского стола”), что в сумме образует слово “спутник, сопровождать” с произношением “КЮ:, ГУ/томо”.

準

На этот раз ошибки быть не может – это она весело плещется в воде в десятый раз. Оказывается, птичка заботится о нас, проверяя “уровень” поверхности воды, хотя это и “квази” забота (как бы работа, а на деле – развлечение для хитрюшки).

Чтение кандзи, к счастью, не имеет вариантов – “ДЗЮН”.

助

В конце главы вновь загадка – “Шестисотый, не “Мерседес”, но тоже неплохо”. Да, это наш с Вами очередной юбилей – кандзи № 600, пусть он будет состоять из элементов “сила” и “кроме того” (“тарелка”, поставленная “на попа”).

Этот кандзи означает “помощь” (“ДЗЁ/тасу(кэру, тасу(кару”). “Поставить тарелку на ребро при помощи только силы невозможно. Необходима помощь интеллекта”. Если увидите незнакомый кандзи, громко кричите “Тас(у)кэтэ!” (На помощь!) И мы появимся с огромным словарем под мышкой... И ликвидируем “мугаку”, “дзэмбу” ликвидируем.

XVI Знакомство с кварталом бюрократов и поход в Еникеев лес

Дражайшая Эллочка! Сегодня пришло время поговорить о прилагательных. Постараюсь не “растекашися мыслию по древу” и уложиться в 5 минут, чтобы ты не успела заснуть до конца очередной “лекции”.

Прилагательное в японском языке – удивительное образование, во многом не вписывающееся в наше понимание этого термина. Они частично “перетягивают на себя одеяло” от глагола, начиная внешне вести себя как глагол, оставляя последний в статически-удивленной форме.

По природе все японские прилагательные можно разделить на две группы – подлинно японского происхождения (именно они “отнимают хлеб” у глагола во фразе, изменяясь вместо него) и “подлинно заимствованные” (чаще всего, как Вы и сами можете догадаться, у китайских учителей), которые накрепко связаны с существительными и потому часто носят название “квазиприлагательного” (как бы прилагательного, а по сути, вовсе и не похожего на правильных собратьев).

Начнем с подлинно японских прилагательных (можно обозвать их “глаголообразными”). Признак подлинного прилагательного – “хвостик” в виде “и краткого” – акай (красный), сирой (белый), атарасий (новый); акай дзидо:ся – означает “красный автомобиль”.

Акай дзидо:ся ва с(у)ки дэс – Мне нравятся авто красного цвета.

Если быть точнее, то фразу надо понимать так: “Что касается автомобилем красного цвета, то они мне нравятся”, но это детали. Вспомните, чем по смыслу будет отличаться фраза “Акай дзидо:ся га с(у)ки дэс”. Правильно, в ней акцент именно на красные автомобили (чтобы Вы, не дай Бог, не подумали, что мне нравятся больше белые).

Если Вы скажете по-русски “этот автомобиль – красный”, то прилагательное послушно “переедет” на место после существительного – “коно курума ва акай дэс”, но, как мы уже говорили, в самом прилагательном заложено глагольное “быть или не быть”, поэтому вполне допустимо сказать и “коно курума ва акай”, хотя вежливее в настоящем времени добавить “дэс”.

Проиллюстрируем “глаголообразность” подлинного прилагательного на живом примере – Вашем отношении к данной книге. Скажем, “эта книга интересная” (я очень надеюсь на такое отношение со стороны дорогого читателя) –

Коно хон ва омосирой дэс.

Если же Вас не заинтересовали кандзи (скажем, у Вас просто нет времени на подобную ерунду, к нашему обоюдному огорчению), то Вы можете сказать –

Коно хон ва омосироку дэва аримасэн

или

Коно хон ва омосироку най дэс.

Во втором варианте просматривается то, что отрицание не связано грамматически с глаголом, а прячется в недрах прилагательного. Мы пока еще не знакомили Эллочку с глаголами, но придется сказать о том, что прошедшее время для глагола образуется добавлением к нему “-сита” – дэс – дэсита (есть – был). Так вот, фразу “книга была интересная” можно сказать: “хон ва омосирой дэсита”, но гораздо правильнее будет построить ее так – “хон ва омосирокатта дэс”. Как это есть по-русски?

Аналогию подобрать трудно, в каждом языке имеются необъяснимые явления, но в данном случае грубым приближением в учебных целях окажется нечто вроде “книга бывшая интересная есть” или “книга в прошлом интересная есть”. Не напрягайтесь очень сильно, просто согласитесь с идеей о том, что прилагательное может скрывать в себе глагольное свойство времени.

Итак, “хон ва омосирокатта дэс” вместо “хон ва омосирой дэсита”.

А в случае отрицания вместо “омосироку най дэсита” гораздо лучше сказать “омосироку накатта дэс”.

Мы заканчиваем на этом предварительное знакомство с первой группой подлежащих, о которой много хорошего и полезного написано в учебниках. Главное то, что мы

разобрались с “гамлетовской” натурой японского прилагательного, скрывающего в себе глагольчик “быть” или “не быть”, невидимый на первый взгляд, но “подавляющий” стоящие рядом видимые глаголы в отличие от нашего родного русского языка, в котором прилагательное ведет себя гораздо “приличнее” и не помышляет даже о равноправии с глаголом.

Вторая группа представляет собой нечто гораздо более близкое к существительному, чем к прилагательному в нашем понимании. Часто именно существительное выступает в роли прилагательного, камуфлируясь при помощи частицы “но”. Например, “тэцу но ха” (железные зубы) или “кину но дорэсу” (шелковое платье). Однако в данном случае речь идет не о “псевдоприлагательном”, а скорее о “квазипсевдоприлагательном”, в котором проявляет свой “родительный” характер частица “но” и значительно облегчает жизнь учащимся (в русском языке разнообразие окончаний прилагательных, образованных от существительного (почему “железо” образует “железный”, а “шелк” – “шелковый”?).

Настоящее псевдоприлагательное (или прилагательное второй группы, или заимствованное прилагательное) чаще всего обязано своим появлением великому китайскому языку, с грамматикой которого мы связываться не будем (как и древние японцы, получавшие первые уроки грамоты от китайцев). Если этот тип прилагательных поставлен перед существительным, то не нужен талант Шерлока Холмса для его идентификации, поскольку Вы непременно увидите окончание “на” (я – прилагательное, на!)

Сидзука на хэя – спокойная (не шумная) комната.

Нигияка на па:ти – обалденная вечеринка.

Кирэй на хана – красивый цветок (или нос?)

Однако если данное прилагательное смещается поближе к глаголу (то есть, к концу фразы, которая обычно и служит пристанищем для последнего), то его идентификация вряд ли окажется Вам под силу.

Коно хана ва кирэй дэс.

Легко спутать, к примеру, с “акай” дэс. Внимание! В прилагательных второй группы отсутствует “гамлетовский глагольчик” – никаких “кирэку” или “кирэкатта”.

“Некрасивый” будет произноситься как “кирэй дэ ва най”, а “был некрасивым” – “кирэй дэ ва накатта”.

Как мы с Вами договаривались, в дебри грамматических конструкций залезать не будем; для нас вполне достаточно понять основную идею, а дальше желающим будет вполне по силам развиваться самостоятельно или намного быстрее “перехватить” материал у опытного педагога.

Я успел вовремя заметить, как смежила веки Эллочка, произнося “Омосирокатта дэс”, и прервал грамматические изыскания, громко воскликнув: “А теперь история про гейшу!” Эллочка, как человек сугубо практичный, интересовалась только прикладными терминами японского языка. Так, узнав слово “самурай”, она стала частенько заменять этим термином пресловутого “парнишу” и при этом охотно рисовала запомнившийся силуэт. Точно так же, упоминая знакомых дам, она с недавних пор стала использовать слово “гейша”, но попытки догадаться, какую фигуру при этом нужно изображать, не привели к ожидаемому успеху. И вот долгожданный момент настал...

Слово “гэйся” (“гейша” – это такой же “русизм” как “суши-бар”, вызванный тем, что перед “и” и “я” японцы произносят “с” с небольшим “шипением”, о чем мы уже упоминали) состоит не из одного кандзи, а из двух, второй из которых Вы уже прекрасно знаете – “ся” соответствует изображению “персоны”, “вырезанной” богами из “земли” и подсушенной на “солнце” (вспомните слова “гакуся”, “докуся”).

Чтение же “ГЭЙ” относится к запоминающемуся кандзи, который наводит на определенные сомнения относительно

изолированности японского языка. Во-первых, значение кандзи “артистизм, искусство” тесно связано с “гей-культурой”, во-вторых, изображение “травы” в сочетании со “встречей” также наводит на темные мысли о том, что “**искусство**” часто ассоциируется со “встречами с травкой”.

А теперь долгожданная “артистичная персона”, которую в Японии называют “гэйся” (что гораздо правильнее, чем “гейша”, истребить которую в русском языке, к огромному сожалению, не представляется возможным), –

芸者

Сочетание “растения” с элементом, напоминающим по форме нашу букву “Я”, легко кодируется в памяти как “пробуждение в растении собственного “Я”” и также легко ассоциируется с истинным значением “**росток, побег**” или “**почка**” (не та, в которой растут камни, а та, из которой выглядывает молодая листва).

Чтение по “ону” – “ГА”, а “кун” – тот же, что для “глаза” – “мэ”, что наводит мысль на еще одно значение – “**глазок**” на картофелине.

Следующий кандзи на первый взгляд образован не слишком понятным сочетанием элементов “растения” и “правый”, однако значение “**молодой, юный**” легко ассоциируется с дальнейшим анализом элемента “правый” (едят “правой рукой”) и кодированием фразы “едят только молодую траву”, если же Вы вдобавок вспомните, что “старая трава” связана с “горьким” вкусом, “ядом”, то съедобность “молодой травы” не будет подвергаться сомнениям Вашей памяти.

Чтение по “ону” забавно – “ДЗЯКУ, НЯКУ”, а вот “кунное” чтение, вероятно, Вам уже знакомо – “вака(й)”. В сочетании с “куном” хорошо известной “персоны” мы получим слово “вакамоно”, в переводе означающее “молодежь, молодой человек”, –

若者

Раз уж мы заговорили о растительности, продолжим эту тему, рассмотрев кандзи, в котором без труда распознаются элементы “день, солнце” и “растения на земле”. Поскольку здесь “растения” показаны “растущими на земле”, а “день” расположен “под землей”, акцентируем внимание на том, что речь идет о “днях”, находящихся глубоко под землей, “захороненных” по отношению к нашему времени, то есть давно минувших. Смысл кандзи передается сочетанием “**давно прошедшие времена**”, а читается оно как “СЭКИ, СЯКУ/мукаси”. Если Вы любите сказки, то знаете, что самые увлекательные из них часто начинаются словами “В давние-предавние времена...”. Японцы любят сказки не меньше нашего и часто начинают их словами “Мукаси - мукаси...”.

А “мукасимоно” означает, как Вы и сами понимаете, “человека старой закалки” –

昔者

“Человек” в сочетании с “давно ушедшими временами” несколько неожиданно обозначает кандзи “**заем, одолжить, получить во временное пользование**” (“СЯКУ/ка(ри), ка(риру”).

Видимо, и в давние времена заемщики не спешили возвращать взятое в долг.

Иероглиф, который изобилует различными элементами, – “взрослый человек (шляпа)”, “рот”, “растения” и даже “вода”. Одна из возможных комбинаций (взгляд идет снизу вверх, а затем влево) – “взрослые умеют разговаривать с растениями около воды (на берегу)”. Переплетения ветвей и узоры на глади воды могли “мукаси-мукаси” вдохновить древнего человека, умудренного жизненным опытом, на изобретение первых иероглифов. “КАН” – родина кандзи (китайских знаков). Как Вы уже почувствовали, речь скорее всего идет о прародине письменности, которая по-русски называется “**Китай**”.

芽

若

昔

借

漢

官

Разговор о растениях надоел не только непоседе птичке, но и непоседе Эллочке; первая взмахнула крылышками, вторая – ресницами, после чего произнесла: “Парниша, то есть сэнсэй, когда-то у меня были потрясные госслужащие. Самурайчиков я уже знаю, а нет ли у тебя бюрократиков”. Чего хочет женщина, того хочет Бог, поэтому вслед за птичкой мы помчались в глубь иероглифического леса, туда, где спокойно проживают бюрократы...

Первым на глаза попался типичный чиновник под “крышей” – Вы видите увесистые “щеки” в профиль и еще более увесистый “живот”, между которыми – нетренированная тоненькая “шейка”.

Он важно восседал перед нами и совершенно не замечал присутствия двух очаровашек и меня, скромно стоящего сзади. Эллочка не выдержала такого хамства и обратилась к неподвижной фигуре: “Эй, служба! Ты кто?” По щекам чиновника прошла волна оскорбленной дрожи, но он, сохраняя полную неподвижность профиля, соизволил все-таки увесистым тоном объявить: “Я – не служба. Я – **государственная служба**!” Обращайтесь ко мне только по “ону” – господин “КАН”.

“А вот мое **здание**”, – здесь он соизволил произвести легкий взмах рукой и указал на строение под двумя крышами. Под одной крышей мы увидели копию сидящего господина Кана, а под другой привиделись очертания знакомого “едока”.

“Неплохо Вы устроились, господин Кан! А как называются эти хоромы?” – “КАН”, – ответил господин Кан.

“Чё-то я не врубилась. Страна, где ты обитаешь, – КАН, дом, в котором сидишь, – КАН, и специальность твоя – тоже КАН. Какой-то сплошной “кан-кан”!” – активизировалась Эллочка.

“У нас даже цветы и вода понимают разницу между словами “кан” и “кан” и то, что государство – это я”, – спокойно заявил неподвижный господин Кан. И продолжил: “А глупые женщины из глупых стран могут понять, что речь идет обо мне, если добавить звание “должностное лицо” –

館

官吏

“Один из государственных людей, ведающих историей” или на Вашем тарабарском языке – “чиновник”, или на менее тарабарском японском языке – “канри”.

А это – “дом великого исползователя”, или непонятное слово “посольство”, или “тайсикан” –

大使館

“А если глупые женщины не понимают, что “КАН” означает “великое государство” или “человек великого государства”, то пусть они говорят знакомое всему миру слово “тю:гоку” – “Срединная империя”. И вообще, я очень сильно занят. Важным историческим вопросом. Обращайтесь в мое бюро”.

Из любопытства мы заглянули в “бюро” или, говоря современным языком, “офис” господина Кана, но там сидела фигура бюрократа с чудовищно раздувшимся “брюхом”, на котором удивительнейшим образом располагался “рот”. При нашем приближении “рот” раскрылся и на чистом русском языке начал повторять: “Сытое брюхо к посетителям глухо, сытое брюхо к посетителям глухо”.

“Это что, тоже “кан-кан”?” – поинтересовалась Эллочка. Моих скромных знаний хватило на то, чтобы объяснить ей, что не все в Китае “кан” и чтение данного иероглифа, хоть и единственное, но звучит как “КЁКУ”, после чего Эллочка потеряла всяческий интерес к бюрократии китайского происхождения.

局

Внезапно перед нами стремительно пронесся кандзи, состоящий из элементов “движение” и “государственная служба”. Вновь пришлось объяснять Эллочке, что это не спешащий по делам чиновник (чиновник не может спешить по своему рангу), а кандзи **“преследовать, прогонять”**. Как только государственное должностное лицо “отпускает себе “чубчик”” (связанный косвенно с “белым” цветом, а потому витиевато отражающий наступление старости), его сразу подвергают обструкции, сажают на элемент “движение” и отправляют на заслуженную пенсию.

Чтение данного кандзи “ЦУЙ/о(y)”. В сочетании с кандзи “освободить, отправлять подальше” (см. конец 14-й главы) образуется слово “цуйхо:” – “изгнание, ссылка” –

追

追放

Так что, Эллочка, в стране Кан не каждый господин Кан танцует кан-кан, может случиться и “цуйхо:”.

Изгнанный “чиновник” вынужден облачиться в “одежды”, ниспосланные ему “небесами” (образное выражение для изгнанников с государственной службы), и превратиться, если на то есть способности, в простого **“учителя”** или **“мастера”** или другого **“специалиста”** (с простым “оном” СИ). Есть возможность также отправиться в **“армию”** (элитное церемониальное подразделение старперов).

師

На прощание мы обернулись, чтобы посмотреть на господина Кана, и увидели, как на крыше появились стебли “бамбука”. Это означало, что молчаливое сидение чиновника завершилось и он приступил к операции “управления, распоряжения”.

По “ону” данный **“КАН”** означает **“контроль, управление”**, а виде “куна” (“куда”) – это просто **“труба”** (“он” внизу, а “кун” – сосредоточение внимания на трубочках бамбука).

管

Мы направились из квартала бюрократов вслед за весело щебечущей птичкой, как вдруг Эллочка вежливо ткнула меня локтем прямо в бок и остановилась на месте с открытым от удивления ртом. “Опять господин Кан”, – прошептала она в изумлении, – “и вот еще господин Кан, везде господин Кан”. Я посмотрел туда, куда был направлен удивленный взгляд моей спутницы, и увидел фигуру и впрямь напоминающую очертания важного чиновника, но эта фигура, в отличие от предыдущих, не демонстрировала нам неподвижный профиль, а прямо смотрела на нас.

“Дорогая Эллочка! Господин Кан ни разу не повернулся к нам, это не он, а некое высшее создание, воспитанное и вежливое, отмеченное печатью божества. Ты видишь перед собой **“принца”** (очертания не слишком ясные с такого расстояния, поэтому вполне может оказаться, что это **“принцесса”**). Этот же знак используется и для обозначения **“дворца”**, и даже для **“синтоистского храма”**. Для тех читателей, кто, в отличие от рационалистки Эллочка, не удовлетворяется смысловым значением кандзи, а продолжает мазохистски пытаться заучить чтения, приводим последние с наилучшими пожеланиями – “КЮ:, ГУ:, КУ/мия”.

宮

Кстати, не пора ли слегка расслабиться? Расскажу Вам байку об одном восточном переводчике высокой квалификации, который был допущен к обслуживанию высоких партийно-правительственных делегаций. Однажды (мукаси-мукаси) делегация из советских чиновников высокого ранга посетила страну, в которой доблестно трудился выше-названный переводчик. По окончании визита делегатов провожали на вокзале не менее высокие местные товарищи. Один из главных хозяев произнес прощальную речь, полностью выдержанную в допустимых рамках дружбы и взаимной любви. Переводчик старательно трудился на ниве взаимопонимания (держа в руке подготовленный листок, как, впрочем, и оратор). Заключительную фразу с пожеланием доброго пути бедный переводчик решил, отойдя от рутинных канонов, перевести с максимальной образностью, а поскольку, готовясь к отъезду гостей, он проштудировал в очередной раз словарь и обнаружил там искомый образ, то и высказал от лица принимающей стороны трогательнейшее пожелание: “Скатертью Вам дорога!”.

Рассказ-то мой к чему был? Я в очередной раз обратился к тем, кто старается сразу набить голову странными “онами” и “кунами” и в результате только осложняет себе жизнь. Однако, я тоже хочу пожелать этим дорогим друзьям больших успехов в освоении иероглифики и поэтому, вслед за несчастным переводчиком, но в отличие от него, безнаказанно хочу заявить: “Вы хотите “оны” и “куны”? Их есть у меня. И скатертью Вам широкий путь познания!”

営

Рядом с “принцем” и его “дворцом - храмом” располагался близнец-кандзи, но с “волшебной крышей”. Его хозяин, после того как решил усовершенствовать архитектуру своего жилища, вынужден был приступить к “**занятию**”, называемому “**бизнесом**” (“ЭЙ/итона(му)”), потому что был благодороден и ни в коем случае не хотел вновь грабить своих подданных.

Птичка, давно не проявлявшая активности, вдруг отпорхнула резко в сторону и уселась на странном по форме кандзи, который также означает близкое по смыслу к предыдущему “**занятие, изучение**”, а также “**предприятие, производство**”.

業

Пришлось призвать на помощь фантазию и увидеть в данном кандзи следующие элементы - во-первых, “дерево с короткой черточкой сверху”, которое мы уже называли элементом “еще не” (вспомните кандзи “младшая сестра”), затем элемент “стоять”, а сверху композицию из двух “ног” — правой и левой, отдельно — “большие пальцы” и остальные в виде горизонтальной черты. Кодируем из этих элементов сочетание - “еще не стоит на ногах”, которое предполагает “изучение организации предприятия”, “занятие делами предприятия”. Чтение по “ону” “ГЁ:” и по “куну” “вадза” относится как раз к сказанному выше. “Онный” же вариант “ГО:” переводится как “карма”. Не затрудняйте себя попытками зазубрить все эти варианты, постарайтесь лучше сосредоточиться на часто встречающемся сочетании обоих предыдущих кандзи, произносимом как “эйгё:” и означающем более определенно и четко “дело, предприятие, бизнес” —

營業

Находясь в синтоистской части Кандзиландии, мы не можем позволить себе не побродить по ней в поисках неизвестных нам пока иероглифов. Вот пред нами таинственный кандзи из двух “элементов”, которые при некотором усилии мы с Вами в состоянии припомнить. Первый — это “алтарь божества”, не встречающийся отдельно и в свое время не слишком вежливо названный нами как “знак Зорро на палочке”, однако отмеченный божественным атрибутом в виде “нимба” сверху. А второй элемент — кандзи “говорить, провозглашать”, представленный нами в виде “солнца”, протыкающего себя насквозь и призывающего нас бережнее относиться к природе. Если Вы припомнили этот образ, то сообщаю Вам его чтения — “СИН/мо:(су)”. “Провозглашать у алтаря” - это удел богов, поэтому кандзи, который Вы сейчас увидите, используется для визуализации понятия “**божество**”, читаемого по “ону” как “СИН, ДЗИН”, а по “куну” — как “ками”.

神

Если Вы припомните кандзи “ветер” (“насекомое”, которое несет на “парус” мощным “атмосферным потоком”), то больше никогда не сможете забыть, как выглядит известное каждому из нас слово “камикадзе” (“божественный ветер”, несущийся на жалкого врага) —

神風

Когда мы видим изображение “божественного алтаря” и рядом с ним элемент “кроме того” (вспомните, как нужно взывать к окружающим о помощи), то нас вполне может посетить мысль о том, что богоугодное дело заключается не только в обращении к божествам, не только в постоянных воспоминаниях о существах непознаваемых, на которых мы с легким сердцем взваливаем груз наших проступков, но и о тех, кто жил задолго до нас и решил продолжить свой род в нашем лице. Понятно, что этот кандзи имеет значение “**предок**” (священный для нас “кроме богов”).

В сочетании с кандзи “мать” вполне логично образуется значение “женщина, появившаяся до матери” или наша дорогая “бабушка” (“собо”) –

祖母

А если рядом с “предком” находится кандзи “страна”, то не менее ясен смысл “страна предков” или “отчизна” (“сококу”) –

祖国

祖

Следующий кандзи также не требует усилий для распознавания, поскольку объединяет прекрасно знакомые нам элементы “божественного алтаря” и “смотреть, видеть”. На божество невозможно глядеть рассеянно, как на нечто, не требующее Вашего внимания. С другой стороны, и боги смотрят на нас со вниманием, иначе мы их за богов считать не будем. Значение данного кандзи – “**внимательно рассматривать**”.

Читается данный кандзи только по “ону” как “СИ” и в сочетании с “миром” (в странственном смысле слова) получаем термин “поле зрения” или “сикай” –

視界

А если добавим недавно встретившееся “не быть, не существовать” (“такой бесхвостой птички в природе существовать не может”), то ясно, что ни о каком рассмотрении не может быть и речи. Наоборот, сочетание “муси” переводится как “игнорирование” –

無視

視

Следующим в “поле” нашего “зрения” попал кандзи, в котором элемент “смотреть, видеть” уступил место новому для нас элементу, не существующему без коллектива. Если Вы внимательно присмотритесь к нему, то легко увидите “грудь” в профиль. “Божественное чувство” в “груди” обладает единственным вариантом чтения (“РЭЙ”), но значения его многочисленны. Это и “**приветствие**”, и “**этикет, вежливость**”, и “**благодарность**”, и даже “**вознаграждение**”.

При взгляде на этот кандзи у многих сразу на “внутреннем мониторе” появится сочетание “божественная грудь”, однако, находясь рядом с “алтарем”, подобные мысли допускать не стоит, вспомните, прежде всего, о своеобразном этикете в присутствии божественного, о поклонах, которыми Вы приветствуете богов, о чувстве благодарности к ним за то, что они принимают на себя Ваши проблемы, вознаграждая Вас за веру.

В сочетании с кандзи “терять” (“большое” протыкает насквозь “человека”) мы запомним очень важное выражение “сичурэй”, означающее “невежливость, грубость” –

失礼

“Сичурэй симас” (“я совершаю грубость”) или “сичурэй симасита” с констатацией этого факта в прошедшем времени. Именно это выражение часто встречается в вежливой речи в качестве аналога наших свидетельств воспитанности типа “извините за беспокойство”, “прошу прощения, но мне пора откланяться”.

礼

札

Если отбросить “божественное” в сторону и совместить “грудь” с изображением “дерева”, то необходимо сосредоточиться на идее создания бумаги из древесины и на дальнейшем превращении этой бумаги в бумажные купюры. Чаще всего Вы носите свои **“бумажные деньги”** во внутреннем кармане, прямо около сердца, то есть на “груди”. Кроме того, резонно вспомнить о недавних временах, когда наш замечательный рубль охотно снабжался даже нами титулом “деревянный”. Легко запомнить сочетание “деревянные на груди” в качестве ассоциации с **“казначейскими билетами”**.

В качестве денег иероглиф читается по “ону” – “САЦУ”. Если же Вы читаете его в “кунном” варианте – “фуда”, то значение “деньги” трансформируется в **“ярлык”**, **“бирку”** и даже в **“колоду карт”**. Удивительно, но отношение к “ону” кажется более почтительным, чем к родному “куну”.

乳

Образный кандзи образован элементами “коготь”, “ребенок” и “грудь”. “Коготь” – это вариант “руки” (Фарид-сан, не обращайтесь внимания на эту ассоциацию!), которая удерживает очень крепко “дитя” у самой “груди”.

Конечно же это **“молоко”**, которое по “ону” читается как “НЮ:”, а кунное чтение “ти” или “тити” указывает на значение **“молочные железы”**. И все-таки, много тысяч лет назад не японская обезьяна, а наши древние предки вполне могли направиться на дальневосточные острова, сохраняя в памяти название молочных желез.

В сочетании с “коровьей мордой” (“ГЮ:/уси”) получаем слово “гю:ню:”, перевести которое я охотно предоставляю Вам, чтобы Вы не подумали, что я недооценил способность некоторых из своих дорогих читателей к изучению языка –

牛乳

乱

“Грудную” цепочку мы завершим странным на первый взгляд кандзи, состоящим из хорошо знакомых элементов “язык” и “грудь” и имеющим значение **“смута, беспорядок, быть в беспорядке”**.

Чтение по “ону” “РАН” означает также **“гражданскую войну”** (может быть, Вам довелось видеть замечательный фильм Курасава, который так и назывался по-русски “Ран”). “Кунные” варианты “мида(су), мида(рэру)” в переводе ближе к уже названной нами “беспорядочности”. Рискну предложить уважаемому читателю несколько вольный и легкомысленный вариант запоминания (учитывая то, что, как правило, именно такие варианты намертво вцепляются в память) – “Если Вы увидите язык человека, тянущийся к груди, то можете с большой долей вероятности предположить, что он беспорядочен в своих связях как младенец”.

机

Беспорядок – вещь недопустимая при изучении кандзи, даже шаловливая бесхвостая красавица в последних главах стала вести себя гораздо солиднее в присутствии другой красавицы и почти перестала беспорядочно порхать от одного иероглифа к другому. Эллочкин рационализм успокаивающе действовал на нас обоих, именно она предложила до самого конца главы заняться координацией опорно-двигательной системы, произнесла лозунг “ноги в руки” и направившись к “дереву”, рядом с которым стояло нечто, напоминающее “пару ног”.

“Сделано из дерева, стоит на ножках – это **“стол”**, кэсьон сэра?” – произнесла Эллочка, напомнив своего знаменитого дедушку – профессора Выбегалло в его лучшие годы. Вопросов не было, все казалось довольно логичным, если, конечно не вставать в позу и не начинать рассуждать о стульях, диванах и прочей мебели, стоящей на ножках и иногда даже сохраняющей запаха дерева под слоем ядовитого лака. Но, Эллочка сказала, и мы согласились, а чтения “стола”, возможно, покажутся Вам уже знакомыми “КИ” (как “дерево”) и “цукуэ” (как в первом уроке любого учебника японского языка).

Следующий “столлик на ножках” располагался рядом с придуманным нами уже давно изображением “долгих вечеров”. Глядя на этот кандзи, запомните сразу – иероглиф “юридический”; “длинными вечерами” Вы сидите за “столом” или измеряете “ногами” комнату в поисках надежных доказательств того, что “круглое – это круглое, а квадратное – это квадратное”. Кандзи не из самых запоминающихся, несколько скучноватый по характеру, но, если, встретив его в тексте, Вы почувствуете некое тоскливое ощущение необходимости сесть за стол и размышлять о ненужных Вам вещах, то считайте себя потенциальным адвокатом, способным “вести дела”, кроме того, можно представить себя и судьей, который должен “вынести приговор”.

処

Читается этот нудный кандзи “СЁ/сё(суру)”. Явное заимствование “куна” из “она” доказывает, что древние японцы не занимались юридической ерундой, решая вопросы по-мужски, однако вынуждены были перенять у учителей практику “буквоедства”.

Вслед за жидким кустарником “ног” взору открывался лес “рук”, который тут же получил название “Еникеев лес” (в честь самого активного исследователя Кандзиландии Фаридо Еникеева, о котором уже многое нам с Вами известно, особенно о его любви к многообразию японских конечностей). Первым из “ручных” кандзи стояла конструкция из “четверки рук” (понятно, что это никакая не арабская “четверка”, но табличка “за искажение смысла штраф 1000 йен” отсутствовала). Смысл этого кандзи и “получать” и “платить” одновременно. Полученное можно “запасать”, а после оплаты “быть спокойным” (заплатил налоги – спи спокойно). Такое разнообразие действий, видимо, и обусловлено наличием четырех рук.

収

Нам всегда по характеру было свойственно либо “запасать в 4 руки”, либо столь же легко “транжирить”, поэтому кандзи, несмотря на графическую бедноватость, идейно близок нашим сердцам и не должен при будущих встречах оставаться неузнанным. Чтение его по “ону” – “СЮ:”, а по “куну” – “оса(мэру), оса(мару)” (хотя о глаголах мы с Вами еще не беседовали, Вы уже наверняка почувствовали, что две вариации “кунов” свидетельствуют о “переходности/непереходности глагола” – “получать – быть полученным, платить – быть уплаченным”, но об этом позднее).

Следующий кандзи состоит из трех знакомых “элементов” – “когтистой лапы”, “цита” и собственно “дружеской руки”. Смысл его – “принимать”; легко представить себе поле битвы, на котором “когтистая” рука воина принимает “щит” из слабеющей “руки друга” (или наоборот, что не так уж и существенно).

受

Читается иероглиф “ДЗЮ/ү(кэру), ү(кэ)” и часто встречается в виде таблички в помещении секретариата компании, на которой рядом с ним располагается хорошо знакомый кандзи “прикреплять” (“человек” неотделим от “пульса”), читаемый “ФУ/цу(кэру), цу(ку)”.

受付

“Укэцукэ” – “принять и прикрепить к кому-нибудь или к чему-нибудь” – это основная функция любого “рисэпшиониста”.

Еще одна “рука” (“рука Бендера” по нашей с Фаридом классификации) рядом с превращенным в составной “элемент” кандзи “принимать” указывает на идею “вручения” ею награды или текста инструкции “принимающей стороне”. Читается данный кандзи “ДЗЮ/садзу(кэру), садзу(кару)”, а означает, как мы уже определили, “наградить” или “обучать”. Не оскудеет рука дающего нам награды и учебные материалы...

授

Если Вы сосредоточитесь и вспомните слово “эйгё:” (“бизнес”, с которым мы совсем недавно познакомились, надеюсь, не был отторгнут Вашей памятью), то слово “дзюгё:” (обучение, занятия) при встрече в тексте вызовет легкую улыбку на Вашем лице –

授業

支

Следующий кандзи не требует подробных пояснений – “десять рук” легко закрепить в памяти, как символическое изображение “**поддержки**”, а “лес рук” легко настроит Вас на идею “**ветвь, ответвление**” (“СИ/са(эру)”).

В совокупности с “магазинчиком, в котором к Вам протягивает руки радостный продавец”, получим “филиал фирмы”, называемый по-японски “ситэн”, –

支店

枝

При добавлении “дерева” получаем непосредственно кандзи “**ветвь, прут**” без всяких скрытых смыслов, читаемый как “СИ/эда”.

技

“Рука” при “поддержке” не просто “бендерова закорючка”, эта рука – “того, кого надо рука”. Смысл данного кандзи фиксируется без особых проблем – “**умение, искусство**” (“ГИ/вадза”) должны быть свойственны Вашей руке, если за спиной такая мощная поддержка родни (“садись скорее за пианино”, “давай разберем еще одну партию Капабланки”, “тебе пора в бассейн”, “сейчас придет репетитор” и т.д., и т.п.). Об особом умении во многих направлениях деятельности свидетельствует также элемент “разветвления”.

飯

Пришло время пополнить нашу коллекцию “анти” кандзи (вспомните “доска – антидерево”, “склон – антиземля”, “притворщик – античеловек”, “возвращение – антидвижение”). Если к изображению дорогого нашему сердцу кандзи “кушать” прибавить этот элемент, то получим парадоксальное на первый взгляд значение “**вареный рис**”. Почему это “вареный рис – не еда”? А Вы вспомните свое детство и суровые слова мамы: “Хлеб - это не еда”, сурово отчитывающей Вас, бегущего к двери с куском хлеба в руке. Для Востока рис – это тот же хлеб, отсюда возникает аналогия с японской (китайской, вьетнамской, кхмерской) мамой, отчитывающей отпрыска, игнорирующего суп. Чтение этого кандзи “ХАН/мэси”, вот и все...

片

Фигурка, указывавшая нам в пируэте “направление”, в следующей “ипостаси” осторожно и сосредоточенно несет что-то на вытянутых руках, указывает на то, что из всевозможных направлений для нее важно только одно-единственное, и видна она нам только с “**одной стороны**”.. Читается данный кандзи как “ХЭН/ката”. “Кунное” чтение указывает нам на то, что кандзи “направление” и кандзи “одна сторона” являются как минимум близкими родственниками.

版

Дополнение односторонней фигурки элементом “анти” приводит к созданию близкого нам по смыслу кандзи “**издание, печать**”. Наша книга – представитель серьезной полиграфии, поэтому Вы, перелистывая ее, читаете не с одной стороны (как студенческий реферат), а с обеих. Натяжка в данном объяснении чувствуется, однако запомнить связь значения кандзи “не с одной стороны” с той книгой, которую Вы держите в руках, достаточно легко (как и единственный вариант чтения “ХАН”).

Один из самых сложных “ребусов” иероглифики – кандзи **“кожа, шкура”** (“ХИ/кава”). Видимо, он на протяжении веков стал столь неузнаваем, что ни от животных, ни от процесса лишения их кожного покрова других следов кроме “руки” не осталось. Но нас с Вами это не может принудить к сдаче, мы всегда бьемся до конца и большинство “сражений” выигрываем. Поэтому предлагаю Вам вариант для облегчения запоминания данного кандзи и жду от Вас идей получше. Итак, руку мы имеем, также в наличии некое подобие “землянки”, помещения, внутри которого то открывается “магазин”, то заводятся “болезни”. Допустим, что термин “жилище для руки” вполне пригоден для описания перчатки, которая, в свою очередь, как правило, изготавливается из кожи животного, от которой живому и пылливому сознанию один шаг до термина “шкура”.

Стати, после известного напряжения с трактовкой “шкура” неплохо закрепить его каким-нибудь примером. В качестве примера подойдет своеобразное сочетание “шкура” и “мяса”, дающее несколько неожиданный результат “насмешка, ирония” и даже “цинизм” (впрочем, последнее значение к этому рисунку подходит больше) –

皮

皮肉

Если Вы услышите “хикику о иу”, то знайте, что это – аналог нашего “говорить гадости”.

Интересный образ получится, если “сбрызнуть” “шкуру” “водой”.

Упаси Вас бог подумать, что речь идет о какой-нибудь циничной “мокрой шкуре”, Восток все-таки намного тоньше. Представьте поверхность шкуры любимого шарпея, какие замечательные складки перекатываются по ней. В поверхности воды древние, видимо, усмотрели некое подобие кожного покрова, который время от времени перемещается к берегу и обратно. Следовательно, мы с Вами уловили смысл “кожного покрова воды”, увидев мысленно вдохновляющее изображение **“волны”** (поставлю здесь восклицание в честь древних поэтов – !) Читается эта прелесть как “ХА” или “нами”.

波

Птичка робко отлетела в сторону и указала на еще один “водяной” кандзи, состоящий из элементов “вода” и “писать” и образующий смысловое значение **“гавань”** (наверняка в гавани, куда прибывает масса кораблей, достаточно работы для пишущей братии, просиживающей штаны на берегу).

Кандзи читается как “СИН/цу”, не является примером особой образности и вдобавок не входит в число нашей тысячи. Что же заставило птичку привести нас к нему? Вы уже знаете, что она никогда не делает что-либо без особого умысла; чудесный умысел обнаружился и в этом случае – без кандзи “гавань” мы с Вами были бы не в силах прочесть щекочущее нервы даже нам волшебное слово “цунами” –

津

津波

“Волна” в “гавани”... Очевидно, только гигант может перескочить через защитные портовые сооружения и рвануть по портовому зеркалу к берегу в желании поглотить берег с жалкими муравьишками и их хлипкими постройками...

Еще парочка “шкурно-кожных” кандзи, первый из которых представляет собой бытовую сценку, в которой слева мы видим – “человек” оторван от изображения “шкура” и стремится к ней (по аналогии с кандзи “идти”). Вообще-то японцы чрезвычайно вежливый народ, но “шкура-мясо” (аналог “цинизма”) им тоже знакома, поэтому представим, что этот персонаж (в силу своего стремления к цинизму) не слишком симпатичен. Значение этого кандзи **“он, тот”** и по-русски отдает некоторым цинизмом, а чтение его по “куну” уже должно быть для Вас хорошо знакомо – “карэ, ко(но)”, имеется, правда, и “он” – “ХИ”.

彼

破

Кандзи из элементов “камень” и “кожа, шкура” имеет смысл “ломать, рвать, разрушать” (“ХА/ябу(рэ), ябу(рэру)”).

“Камень” легко производит над “кожей” и изделиями из нее любое из перечисленных действий. Пример использования данного кандзи – “кораблекрушение”, или “хасэн” (“ломать” + “корабль”) –

破船

Последний кандзи, в котором мы видим в настоящей главе элемент “рука друга”, это иероглиф, имеющий значение “самый..., наиболее ...” (и чтение “САЙ/мот-то(мо)”).

最

Данное изображение, состоящее из двух логических частей “брат” и “солнце”, можно закодировать фразой “за ушко, да на солнышко”, помня при этом об отсутствии “негатива” в этой фразе. Это просто выделение крайней степени чего-либо (“самый первый”, “самый последний”, “самый высокий”). К примеру, начало фразы “последние пять лет...” (сайкин гонэнкан...) будет в тексте выглядеть так –

最近五年間

В заключение главы (но не путешествия в Еникеев лес) нам довелось повстречаться с охотником, очень похожим на “младшего брата”; разница была лишь в том, что “лук” у него был настоящий, без побрякушек, и охотился он на крупного зверя в зарослях “бамбука”.

第

Поскольку крупного зверя в одиночку брать трудно, охотники были расставлены по “номерам” (кто охотился, тот знает). Нашему охотнику был присвоен “номер первый” (“дай ити”, поскольку читается кандзи только по “ону” – “ДАЙ”), он был самый опытный. Связь с предыдущим кандзи по смыслу улавливалась, когда охотник повторял нам, неопытным путешественникам, фразу – “андэн дайити” –

安全第一

В переводе это означало (да и сейчас означает): “Безопасность – самое главное”.

XVII. Глава, в которой становится понятным Эллочкин лозунг

Мы продолжали путь по лесному массиву Кандзиландии (это название само собой появилось в наших разговорах и незаметно закрепилось в сознании для обозначения страны иероглифов) в направлении, намеченном Эллочкой. Неторопливой беседы на тему долгожданных глаголов не получалось, поэтому привожу лишь несколько “тезисов”, сформулированных на бегу; более подробно на эту тему, которую можно считать основной при знакомстве с азами японской грамматики, придется поговорить в более спокойной обстановке (если эта возможность появится в следующих главах).

Главное, что сразу необходимо понять при знакомстве с японской грамматикой, это то, что, в отличие от русского языка, в котором глагол является самой живой составляющей (его связь со словом “глаголить” (говорить) несомненна), японский глагол таковым по сути не является. Если вдуматься в его роль при образовании фразы, то окажется, что более всего это образование походит на наше отглагольное существительное. В практическом примере это можно представить следующим образом: “я умею говорить по-японски” примет в буквальном для нас переводе ужасающий вид – “(японский язык) (говорение) (умение, возможность)”. В это трудно поверить сразу, но, с другой стороны, если я скажу Вам чисто по-русски - “японский язык разговор возможность имеется”, то Вы, может быть, покрутив мысленно пальцем у виска, все-таки поймете, что собственно я имел в виду, произнеся это странное для нас сочетание. Зато Вам сразу станет понятно, почему японский глагол не нужно спрягать в нашем понимании (я говорю, ты говоришь, он говорит и т.д.), а это весьма мучительно для любого иностранца, поскольку связано с запоминанием гигантских объемов информации, часто не связанных с логикой. Если глагол “говорить” является тем, что мы понимаем под сочетанием “акция говорения”, то понятно, что использование любого из личных местоимений не оказывает влияния на это “новообразование” – “я акция говорения, ты акция говорения, он акция говорения и т.д.”.

Сейчас я произнесу еще более ужасную вещь, но ее нужно против воли, против понимания “здорового смысла” сразу же уяснить каждому гайдзину, если он хочет начать быстро и сравнительно правильно говорить, – мы уже упоминали о “нейтрально-вежливом” стиле, который превратится для нас в основу при общении с японцами; так вот, этот стиль предполагает добавление к глаголу вежливого (не самого вежливого, но достаточного для того, чтобы Вас не приняли за грубияна) “мас”, который по своей сути может быть понят нами как “имеется место”. То есть, если сказать “ханасу” (я говорю), то это, в большинстве фраз будет выглядеть невежливо (хотя, как мы уже говорили, чужакам гайдзинам многое прощается – “что с них взять”). Если Вы произнесете “ханасимас” (“акция говорения, имеется место”), то эта форма будет воспринята более благосклонно (“гайдзин пытается не быть грубияном”).

Хотя в русском языке изменение окончания глагола при его спряжении легко позволяет определить, к кому относится “глаголение”, мы тем не менее часто дополнительно подтверждаем эту информация личным местоимением (я говорю, он говорит, хотя понятно, что “говорит” не допускает подстановки “я”, если только говорящий не начал изучать русский язык позавчера). В японской речи отсутствие спряжения глагола в нашем понимании тем не менее не мешает говорящему опускать личное местоимение; Вам остается догадаться, о ком или о чем идет речь из контекста. На первый взгляд это необычайно трудно, но стоит Вам начать разговаривать, как Вы поймете, что этот навык превращается в автоматический довольно быстро. Важно уяснить идею – иностранный язык в качестве живой структуры совсем не обязан подчиняться тем законам, которые Вам преподносили в качестве незыблемых на уроках родной речи. Приходится смиряться с тем, что у полинезийцев принято потереться носом о нос в качестве нашего рукопожатия, точно так же приходится согласиться с живущими тысячелетия на своих островах японцами в том, что их прилагательное иногда ведет себя, как наш глагол, а глагол по грамматическим очертаниям часто напоминает наше существительное. Мы с Вами в чужом монастыре; имея полное право защищать идеи наших предков, научившихся объясняться понятным нам (после долгих лет изучения в школе) образом, мы должны трепетно (именно так!) относиться к идеям другого народа, кажущимся поначалу неразумными, чужаковатыми, но существующим независимо от нашей воли.

И, наконец, еще одна маленькая идея, которую можно “посеять” в Вашем с Эллочкой восприятии – в японском языке глагольные конструкции используются только в двух реальных временах, настоящем и прошлом. Идея будущего выражается настоящим временем, что нам понять несложно, поскольку мы часто делаем то же самое (“завтра я иду в кино”, “на следующей неделе я еду в Гагры” и т.п.). Прошедшее время образуется при использовании вместо “мас” “масита”. Может быть? в этом кроется особое свойство восточного менталитета, разумно считающего будущее “шкурой неубитого медведя” и больше интересующегося реалиями прошлого и настоящего.

Если идеи, которыми мы поделились с Эллочкой и дражайшим читателем, вызвали легкое головокружение и не менее легкое желание выбросить книжку в мусорное ведро, то искренне пожелаю Вам не поддаваться паническим настроениям и чуточку потерпеть; зернышки, посеянные на поле Вашего восприятия, неминуемо и скоро дадут обильные всходы полного понимания и усвоения.

Эллочка, слушая вводную к проникновению в смысл глаголообразования, продолжала быстро шагать вперед, повторяя время от времени непонятный клич “Ноги в руки!” Наконец она остановилась около нескольких кандзи, в правой части которых значился один и тот же “элемент”, взглянув на который я наконец сообразил, что крылось в призыве Элочки ускорить движение, – элемент, с древности ассоциировавшийся с “рукой”, в которой вместо плетки находилось нечто вроде молотка”, и впрямь с первого взгляда напоминал “ноги”, находившиеся в “руке”. Первым мы подвергли обозрению и дедуктивному анализу кандзи **“устанавливать”** (“СЭЦУ/мо:(кэру)”).

“Слова” Элочки “ноги в руки”, если вспомнить опыты Кашпировского над массажами, можно представить себе типичной “установкой”. Если Вы согласны с этой идеей или категорически против, то узнавание данного кандзи в дальнейшем не составит для Вас проблемы – “Эллочка установила правила игры”.

Следующий кандзи из Эллочкиной серии имеет непосредственное отношение к нам с птичкой.

Посмотрите, “люди”, стремящиеся взять пресловутые “ноги” в не менее пресловутые “руки”, двигаясь в направлении к ним, – это мы. Читается данный кандзи только по “ону”, но “онное” чтение “ЭКИ” – это **“битва”** за новые кандзи, **“каторжный труд”** в этом качестве, а если Вы произнесете необходимое в данном контексте “ЯКУ”, то речь идет о **“службе, роли”**.

В совокупности с “человеком” образуется знакомая по смыслу должность “чиновника” –

役人

Перед нами появился “служивый” ЯКУНИН, который вполне может занять место в уголках нашей памяти рядом со старьевщиком по фамилии ТЮКОХИН в ряду портретов “онной” художественной галереи.

Еще один кандзи из данной цепочки мы получим, поместив на место “людей” изображение “руки Бендера”. Кандзи не только содержит изображение руки Великого Комбинатора, он и по своему значению вполне может быть связан со светлым образом – “сделать “ручкой” и “руки в ноги” – частенько за Остапом Ибрагимовичем водились подобные поступки в стиле современного “кидалы”. Логично предположить после этих рассуждений, что это кандзи **“бросать, покидать”**. Чтение – “ТО:/на(гэру)”.

Скучноватый по значению “агротехнический” кандзи **“зерно, зерновые”**, который запомнить, однако, не так уж сложно; слева формируется группа из “земли”, “щита” и “зерна”, указывающая на то, что зерна находятся под защитой земли, но в один прекрасный момент они “возьмут ноги в руки” и прорастут отличным урожаем зерновых. Читается этот кандзи только в одном “онном” варианте “КОКУ”.

設

役

投

穀

Следующий кандзи повеселее; он состоит из элементов “крест”, “дерево”, сменяющих “зерно под защитой земли”. Смысл меняется кардинальным образом – “поставить деревянный крест и сделать ноги (взяв их в руки)”. Таким образом легко запоминается образ кандзи “убивать”, который, однако, читается как по “ону” (“САЦУ, САЙ”), так и по “куну” (“коро(су)”). Что-то не страшно это звучит по-японски:

Мавр, Дездемону взяв за косу, в постели стал ее “коросу”

“Не верю!”, – так, кажется, говорил великий Станиславский?

殺

Последний из кандзи серии “ноги в руки” вполне несложный для усвоения, хотя и содержит элемент, с которым ранее мы не встречались, да и вряд ли еще когда-нибудь встретимся. В принципе это “лестница”, по смыслу схожая с “социальной пирамидой”, но для нас она приобретает “спортивный” оттенок, поскольку это слово “дан”, понятное для всех любителей восточных единоборств без всякого перевода (а буквальное значение – “шаг, ступень”).

В сочетании с “этажом” получим “лестницу” в буквальном смысле этого слова (произносим это слово как “кайдан”) –

段

階段

Поднявшись по четырем “ступенькам” “лестницы” (обратите внимание на то, что в кандзи “дан” именно 4 ступеньки, как и в той “лестнице Норёку сикэн”, по которой многим из Вас суждено подняться), мы увидели перед собой кандзи, сочетающий в себе знакомые очертания “камня” и элемента “открывать” (две “руки” цепко держатся за “щелкунду” – мысленно добавьте “ворота”). Представьте себя ювелиром, в руках у которого неказистое, но от этого не менее драгоценное творение природы в виде тусклого, покрытого наслоениями кристалла. Для того чтобы “открыть” всю прелесть камня, Вам нужно над ним поработать – “отшлифовать”, “отполировать” поверхность, после чего восхищенному взору зрителя представится истинное чудо ограненного алмаза или малахитовой шкатулки.

Чтение этого кандзи – “КЭН/то(гу)”, если он располагается перед хорошо знакомым кандзи “учиться”, то усиливает смысловое значение процесса учебы, внося в него “ювелирный” оттенок тяжкого, но, в то же время, благородного труда, – “практического изучения” или “кэнгаку” –

研

研学

Птичка отлетела в сторону (видимо, она устала следовать по пути, намеченному практичной Эллочкой) и отчаянно замахала крылышками над кандзи, образованным “двумя руками”, держащимися за изображение “носа в профиль”, прекрасно известное нам с Вами в качестве понятия “свой, собственный”. Этот кандзи, безусловно, так сильно изменялся в течение столетий, что от начального рисунка в нем не осталось практически ничего, но подобная деталь важна лишь для тех из читателей, кто захочет посвятить себя “археологическим раскопкам” на обширных просторах Кандзиландии. Пока же у нас с Вами недостаточно силенок для достижения истины, поэтому ограничимся созданием образа человека, “открывающего” нам “свое” видение какой-либо проблемы или, иначе говоря, произносящего “речь”.

Для того чтобы намертво закрепить в памяти этот иероглиф, представьте себе не просто болтуна, извергающего на нас потоки своего красноречия, а серьезно обдумывающего свои слова человека, непроизвольно потирающего при этом свой нос обеими руками (может быть, некоторых из Вас устроит более красочный образ увлекшегося адвоката, с которым мы встретимся чуть ниже, запустившего в глубоких раздумьях по ходу своей речи обе руки в нос?).

弁

Читается кандзи “речь” только по “ону” (БЭН). В странном на первый взгляд сочетании с “цветком” мы получим слово “лепесток”, или “кабэн”. Представьте себя обреченным природой на молчание цветком, которому тоже хочется выразить свое отношение к жизни. Вспомните поэтическую формулу “язык цветов”, после чего не составит большого труда понять, что именно лепесток лучше всего подходит в качестве “речевого” средства общения для “растений, изменяющих свою форму”, –

花卉

Эллочка скептически посмотрела на бесхвостую красавицу, ей явно не нравились внезапные метания из стороны в сторону. Как человеку, видящему смысл только в создании логических цепочек из кандзи, связанных между собой общим элементом, ей претило бессистемное на первый взгляд перескакивание от одного сюжета

к другому. Птичка, в свою очередь, восприняла появление нового персонажа в нашем маленьком коллективе с едва угаиваемой ревностью одной красавицы по отношению к другой, но до поры до времени терпела соперницу... Конфликт между “двумя школами” явно назревал, и вот птичка с травинкой в клюве опустилась ко мне на руку и застыла в виде укоризненного иероглифа, требующего от меня слов в защиту от соперницы. Посмотрите на этот кандзи, смысл которого по-русски обозначается словами **“защищать, оборонять”**. Графически он довольно сложен, но если выделить в нем элементы “растения”, “бесхвостая птичка”, “рука друга” и “слова”, то несложно закодировать в памяти фразу “слова в поддержку растений и птиц” и мысленно связать ее с понятием “защищать”.

Чтение по “ону” является также легко усваиваемым (“ГО”). Для иллюстрации приведем обещанное слово “адвокат” или “бэнгоси”, портрет которого вполне заслуживает того, чтобы занять достойное место на виртуальной стене нашей “онной галереи”, –

弁護士

“Достойный человек” (а мы уже определили смысл кандзи “самурай”) произносит “речи” в “защиту” – весьма образное и доходчивое изображение для словоохотливого господина “бэнгоси”.

Птичка требовала от меня надежной защиты, это стало понятным после того, как перед нашими глазами появился кандзи **“точный, надежный”** в виде “щита”, обороняющего “птичку” от “камней”, запущенных Эллочкой “в ее бессистемно ухоженный огород”.

Кандзи “надежный” читается “КАКУ/таси(ка ни), таси(камэру)” и в “кунном” варианте может оказаться весьма полезным для Вас. “Тасика ни” – это наше родное “наверняка”. Наверняка Вы уже не боитесь появления новых иероглифов, наверняка в Вашей памяти уже закрепилось множество услужливых ассоциаций, помогающих узнавать все больше знаков в таинственных японских письменах. И уже вскоре Вы сможете “тасикамэру” в этом (**“удостовериться”**).

Птичка также хотела удостовериться в моей поддержке, внимательно всматриваясь в выражение моего лица... Но первой в атаку перешла Эллочка. Она указала на кандзи, состоящий из элементов “девять”, “дерево” и “бесхвостая птичка”, и иронично ухмыльнулась, не говоря ни слова.

護

確

Кандзи, образованный девятью подружками нашей птички, сидящими на персональных деревьях, вполне логично выражал смысл “разнообразие” с оттенком “беспорядок” (читается он только по “ону”, но в двух вариантах – “ДЗАЦУ” и “ДЗО.”).

Смысл Эллочкиного жеста стал ясен, когда вытащив ручку и бумагу она написала два слова, в обоих из которых к “разнообразию” добавлялся один из кандзи, означающих “разговор”, –

雜話 雜談

Первое выражение читалось как “дзацува”, второе – как “дзацудан”, но оба в переводе означали одно и то же – “болтовня, пустой разговор”. Как говорится, “без комментариев”.

Нужно было выпутываться из сложившейся ситуации, но как это сделать без того, чтобы обидеть ту или другую спутницу? Набравшись духу и войдя в образ адвоката “бэн-госи”, я, потирая нос обеими руками, обратился сразу к ним обеим: “Дорогие мои подружки, замечательные мои спутницы! Вы обе налили по полстакана воды и поставили их передо мной с вопросом – наполовину пустые или наполовину полные Ваши стаканы? Вы обе и правы, и неправы одновременно. Нельзя изучать кандзи по ускоренному методу, не связывая их в логические цепочки при помощи отдельных элементов, – в этом правда сугубо логического и прагматичного подхода Эллочки (поклон в ее сторону). Но нельзя забывать, что японский язык – это не механическое создание древнего гения, думающего только о том, как бы взять и связать в единую цепь все слова и понятия, имеющиеся в языке. Иногда эта связь возможна только путем объединения графически разнородных кандзи в определенной ситуации, логика которой кроется в парадоксальной бессмыслице, помогающей лучше любой “элементной” цепочки навязать мозгу смысл иероглифа и надежно его удерживать. Вы обе – большие умницы, Ваша помощь читателю неоценима, а, вернее выразиться, может быть оценена только им самим. Нас читают и “птички”, и “Эллочки”, иногда они даже помогают нам, придумывая самые неожиданные образы и связи между образами. Мы с Вами, путешествуя по волшебному миру иероглифики, хотя и пишем нечто вроде книги, одновременно занимаемся отнюдь не этим. Мы перемещаемся во времени, отпущенном нам высшими силами, и в пространстве, доступном нашему воображению, открывая неожиданную радость от знакомства с маленькой частичкой мира в образе таинственных кандзи. Если эта частица воспринимаемого нами мира, видимая для многих только под микроскопом, а для некоторых остающаяся на протяжении всей жизни и вовсе неизвестной, способна вызвать столько положительных эмоций в наших душах, то как же прекрасен окружающий нас мир, как он безграничен! Те рамки пространства и времени, в которых мы с Вами обитаем, полагая их границами своего существования, на самом деле настолько ничтожны по величине и незначительны по содержанию, что оказываются в итоге не заслуживающими какого-либо упоминания будущими поколениями. Радость от общения с древними кандзи – это незначительная, но и великая радость от загадки нашего пребывания в этом мире! Мы не пишем с Вами книгу, мы поем гимн счастью существования и приглашаем присоединиться к нашему хору всех, кому захотелось прибавить свой голос к нашим! Так стоит ли расходовать свою энергию на доказательства правоты своего подхода к изучению иероглифов? Может быть, лучше радоваться вместе познанию чего-то нового, имеющего более высокий смысл, чем то, что мы делаем обычно в окружающих нас рамках пространства и времени? “Возлюбим друг друга!” – так много раз провозглашали великие пророки древности, озаряемые высшими идеями. Давайте попробуем возвыситься до понимания этой идеи и пожмем друг другу руки (хотя у бедной птички и отсутствуют не только хвост, но и лапы, но это только в иероглифе, а на деле все это имеется)”.

Я страхнул со лба выступившие от напряжения капли пота и вопросительно посмотрел на своих спутниц, которые, широко открыв глаза, застыли в финальной сцене, будто бы после слов “к нам едет ревизор!” Рука моя при этом, как оказалось, была направлена на иероглиф “стараться, прилагать усилия”, воспевающий силу женских рук.

努

Кандзи читается “ДО/цуго(мэру)” и, кроме выражения “цугомэтэ” – “по возможности, старательно”, – входит также в состав слова “дорёкука”, вполне подходящего для “онной галереи” портретов рядом со старьевщиком. “Портрет неизвестного дорёкука” изображает человека, занятого тяжелой физической работой, или, говоря по-русски, “чернорабочего” –

努力家

Судя по всему, японская женщина занимала на протяжении долгих лет столь же почетное место в общественной иерархии, как и наши строительницы первых пятилеток.

勝

Рядом с “женским” кандзи “стараться” вполне логично располагался иероглиф, в составе которого просматривался контур “отца семейства” в “золотом головном уборе” (“шляпа”, на полях которой “золотые жилы”), уверенно оседлавшего “силу”. Слева располагался предмет постоянного спора “лунатиков” и “мясников”, первые из которых в этом “портрете Цезаря” усматривали “луноликость”, а вторые – груды мяса, символизирующие поверженных врагов. Обе трактовки не препятствовали восприятию кандзи “**побеждать**”.

Читается этот кандзи как “СЁ:/ка(цу)”, а в сочетании с двумя знакомыми нам иероглифами увековечивает память Юлия Цезаря в качестве великого литератора, удостоившегося перевода и на японский язык, –

来た、見た、勝った

“Кита, мита, катта” – так звучит на языке самураев образное выражение великого римлянина: “Пришел, увидел, победил”.

証

Очень приятно было связать свою речь с этими словами, но не мне было судить о результате воздействия, хотя очень хотелось бы считать эти слова доказательством собственной правоты. А кстати, иероглиф, состоящий из элементов “слова” и “правильно”, означает именно “**свидетельство, доказательство**” (одно чтение “СЁ:”).

会員証

“Кайинсё:” означает “членское удостоверение”.

功

Очень хочется продолжить разговор о приятном, глядя на то, как птичка дружелюбно устроилась на плече Элочки, – я сам ощутил благотворное воздействие собственных слов, внезапно подаренных вдохновением. Перед глазами появился простой и ясный кандзи из элементов “работа” и “сила”, означающий понятие “**достижение, эффект, заслуга**”.

“Усиленно поработал – и заслужил, добился эффекта”, а читается это сочетание только по “ону”, но в двух вариантах – “КО:” и “КУ”.

成

Предыдущий кандзи очень хорошо сочетается с другим иероглифом, значение которого “**делать, делаться, осуществлять, осуществляться**”. В отрыве от других этот кандзи не отличается особой образностью, зато можно отметить некую воинственность – элемент “копье” связан с “клинком”, такая вооруженность до зубов позволяет рассчитывать на осуществление любого замысла.

Чтений у этого иероглифа предостаточно – “СЭЙ, ДЗЁ:/на(ру), на(су)”. Но если Ваша принадлежность к среднему классу подтверждается наличием на руке достаточно демократичных часов “Сэйко”, то не составит труда запомнить, что слово “сэйко:” (“о” в конце слова надо произносить подольше, что поначалу может показаться немного странным, но не навязывать же японцам наше бытовое произношение их собственного слова)

означает “успех” – “вооруженные производители часов добились заслуженного успеха – на Вашей руке неслышно тикает произведенный ими продукт” –

成功

Серию “сильных” кандзи завершим простым и понятным иероглифом, в изображении которого “сила” располагается под “волшебной крышей”. “Ребенок” под такой крышей “учится”, а “сила” обозначает **“труд, работу”** и читается в единственном варианте “РО”:

В сочетании с “горечью” “кладбищенской травы” получаем образное слово “куро:”, которым можно обозначить как “тяжкий труд”, “мучения”, так и “беспокойство, заботу” –

劳

苦劳

Если Вы услышите от кого-нибудь “Гокуро:сама” или “Гокуро:сама дэсита” (иероглифами здесь изображено только слово “куро:”), то знайте, что Вас благодарят за тяжкий труд или за заботу (а может, извиняются за доставленное беспокойство).

Птичка с Эллочкой хором произнесли “Гокуро:сама дэсита”, поклонились мне и друг другу, после чего инцидент между ними можно было считать исчерпанным. Вдохновленный своим “сэйко:”, я объявил поэтический конкурс – каждый из нас должен был выбрать кандзи по своему желанию и написать пару строк, позволяющих легко запомнить его значение.

Первой, как это ни странно, была Эллочка. Она выбрала кандзи **“просыпаться, подниматься”**, при взгляде на который первым делом возникало не слишком вразумительное сочетание “бежать себе”.

Однако Эллочка вполне обоснованно разделила элемент “бежать” на составляющие “земля” и “нога”, в результате чего стихотворение оказалось довольно вразумительным –

*Земли ногой своей коснуться
Ты можешь. Надо лишь проснуться.*

Эллочка дополнила свое выступление произнесением чтений этого кандзи – “КИ/о(киру), о(косу)” и скромно отступила назад, предоставляя место на “сцене” следующему участнику.

Птичка выбрала кандзи **“соль”**. “Человек” с открытым “ртом” склонился над “тарелкой”, что вполне ясно указывает на его намерения. В сочетании с элементом “земля” у бесхвостой красавицы получился, по нашему с Эллочкой единодушному мнению, весьма запоминающийся образ:

*В тарелке – горсть родной земли.
Спокойно ешь, но посоли.*

Этот иероглиф читается “ЭН/сио”.

Мне не пришло в голову ничего лучше, чем иероглиф **“спор, ссора”** (видимо, под впечатлением от недавно произошедших событий), при взгляде на который вспомнились “Пиковая дама” и Германн, напряженно вглядывающийся в “семерку” в предвкушении “туза”. Вспомнившийся образ я сопроводил нравоучением:

*В руке моей дрожит “семера”,
Где карты – там предмет для спора.*

起

塩

争

Не вполне удовлетворенный достоинствами своих стихов (кстати, чтения кандзи - "СО:/арасо(й), арасо(у)"), я дополнил их изящным примером из области японских идиом. В сочетании с кандзи "семья" (имеющим также значение "сорт, вид") "спор, ссора" образует сочетание "арасой но танэ", хорошо известное нам как "яблоко раздора" –

争いの種

消

Сочинительство настолько вдохновило всех нас на "продолжение банкета", что было принято решение написать вместе нечто достойное пера японского поэта древности. Мы выбрали кандзи **"гаснуть, таять, исчезать"** ("СЁ:/кэ(су), ки(эру)"), состоящий из "лунного света" и "воды", и дружно бормотали каждый в своем углу в течение следующего получаса, глядя на изображение кандзи.

Затем мы спорили еще некоторое время, пока не "выдали на-гора" следующий "хайку":

*Волшебный свет луны
Растаял на поверхности пруда,
Заснул спокойно самурай из Эдо...*

И тут со мной произошло нечто странное. "Самурай из Эдо", придуманный Эллочкой, напомнил мне родного стихотворца – автора бесчисленных поэм о Гавриле, в голову полезли нехорошие строки, вроде "Служил Гаврила самураем, Гаврила головы рубил...", "Писал Гаврила по-японски, Гаврила хайку сочинял...". После этого перед глазами появился не самый приятный кандзи **"яд, отрав"** ("ДОКУ"), состоящий из элементов "растение" и "мать".

毒

Вспомнился образчик "черного" юмора: "Дети - цветы жизни, вырастающие на могиле родителей", трансформировавшийся в кодирующую фразу: "Избыток материнского чувства плодит ядовитые цветы жизни". В совокупности с предыдущим кандзи "исчезать" получилось слово "сё:доку" с жутковато жизнеутверждающим значением "дезинфекция" и отнюдь не жизнеутверждающим смыслом "стерилизация" –

消毒

Следующим иероглифом, представившимся моему воображению, оказался **"тихий, мирный, спокойный"**, состоящий из неожиданного сочетания элементов "голубой" и "ссора".

静

"Ссоры голубых протекают тихо и мирно" – такая парадоксальная фраза позволит легко запомнить значение кандзи. Можно также представить себе, что в отличие от "натуралов", одержимых животной страстью к карточной игре, представители иной ориентации готовы играть только в "подкидного" или в другие невинные игры, ориентированные исключительно на релаксацию. А можно подумать и так: "Голубой Германн был бы гораздо спокойнее" и его не тянуло бы на жестокие авантюры. Если Вам уже доводилось сталкиваться с каким-либо курсом японского языка для начинающих, то "кунное" чтение этого кандзи должно быть для Вас знакомо – "сидзука, сидзу(мару), сидзу(мэру)". А "оны" у него следующие – "СЭЙ, ДЗЁ:".

Внезапно из леса появились два странных призрака кандзи, в левой части которых просматривался ранее не встречаемый, но что-то напоминающий образ. Мы уже не раз видели, как отдельные элементы слегка видоизменяются, попадая в различные части иероглифа (к примеру, "женщина" то внезапно "худеет", то резко "набирает вес", в зависимости от того, слева или внизу кандзи она находится). На этот раз настала очередь